

Под барабанный бой прошла в Красноярске военная реконструкция Бородинского сражения

Вот ведь как в истории. Стоило бы отдать младшую сестру императора Александра Павловича замуж за Наполеона, о чем корсиканец слезно просил своего августейшего друга, совсем по-другому пошли бы события. И не было бы ни «грозы двенадцатого года», ни ужасной мясорубки под громким именем «Бородино».

А уж тем более — французских мундиров в Сибири. У ребят, которые занимаются военной реконструкцией в разных клубах, хватило ума, чтобы не разворачивать боевого знамени наполеоновской армии при построении на исторической площади сибирского города, открывая в Год истории юбилейные торжества по случаю 200-летия Отечественной войны 1812 года. Так оно и осталось зачехленным, и в этом — железная логика истории.

В черном мундире с золоченой вышивкой очень эффектно выглядел он, дивизионный французский генерал. Еще не маршал, не командир корпуса, но и маршалы, большие стратеги и тактики, были нещадно биты усатыми солдатушками крестьянских кровей, хорошо запомнившими завет великого Суворова: «Мы — русские, с нами — Бог!»

Их знамя — знамя победителей! С ним торжественным маршем они и прошли по главной улице под барабаны на удивление своих земляков.

А всего-то — споткнулась лошадь

Вторжение французов

в Россию с первых же продвижений в ее глубины

стало походить на бегство

Двести лет назад, с 11(23) на 12 (24) июня, Наполеон перешел через Неман. При этом на переправе под императором вдруг споткнулась лошадь, и он, несколько отвыкший от передвижения верхом, рухнул на землю. Дурное предзнаменование вызвало ропот в многочисленной свите, но сам Наполеон отмел его как вздор.

Казалось, ничто не могло изменить его планов, слегка корректируемых при подходах к российско-польской границе, куда императорский поезд двигался большим обозом из семидесяти (!) повозок и с комфортом.

«Свет, помещенный в глубине экипажа, позволял ему работать по ночам так же удобно, как если бы он не выходил из своего кабинета», — заметил в своем историческом исследовании «Наполеон I в России» русский художник-баталист и литератор Василий Верещагин.

Почему корсиканец выбрал для вторжения самую короткую ночь, ведь первоначально назывались другие даты — даже начало апреля, не говоря уже про май? Очевидно, не

последнее слово тут было за весенней распутицей.

Но и это, мне думается, не самое главное. Великий стратег, зная цену тыловому снабжению, понимал: его армии необходимо дождаться созревания хлебов, чтобы прямо на корню можно было брать фураж.

Количество войск, перешедших Неман, впечатляло: около шестисот тысяч человек, потому и переправа заняла несколько дней. На пути к Москве Наполеон умудрился растерять эту армаду, доведя до генерального сражения под Бородино лишь четвертую ее часть. Снова Василий Верещагин: «Скоро в огромной армии стал сказываться беспорядок: броды через ручьи и речки были сбиты, перепорчены, полки проходили где и как им вздумалось, никто об этом не заботился, так как Генеральный штаб пренебрегал такими мелочами. Никто не указывал опасных мест или лучшую дорогу, если их было несколько; всякий отдельный корпус действовал на свой страх».

Наступление «двунадесяти языков» очень походило на паническое бегство: полки таяли прямо на глазах, и отдельные грамотеи уже тогда были готовы рвануть в гувернеры к русским помещикам.

«Это громадное скопление людей в одних местах вызывало чистое бедствие на дорогах: везде заблудившиеся, отставшие от частей солдаты подолгу бродили, отыскивая свои полки; ординарцы, со спешными приказаниями, не были в состоянии передавать их — на мостах и в узких проходах поднимались невыразимые шум и гам. Солдаты, давно уже не получавшие пайка, продовольствовались только благодаря грабежу — отсюда величайший беспорядок и падение дисциплины, обыкновенно служащие признаком приближающегося разложения армии».

Русские отступали, но везде чувствовалась организованность. Хвала главнокомандующему, сумевшему не уронить боеспособность, готовность меньших сил ответить ударом на удар! Василий Верещагин особо отмечал:

«Барклай-де-Толли отходил со своих позиций в полном порядке: ни брошенных повозок, ни мертвых лошадей, хоть бы один отсталый солдат или перебежчик».

— С такими молодцами да отступать? — уже у Царева-Займища произнесет эту крылатую фразу его преемник.

«Поднимите мне веки...»

Великого французского упыря, не знавшего поражений,

можно и нужно было перенацелить

Никто так лаконично и точно не изображал Бонапарта, как Алексей Вандам — самый загадочный офицер Генерального штаба Русской императорской армии: «Еще недавно окрылявшая его гений музыка орудий перестала действовать на его душу, и иногда в пылу боя, сидя на барабане, он тщетно старался поднять свои веки, поминутно наливавшиеся свинцом дремоты».

Не полководец, а прямо-таки гоголевский Вий! Он не способен был даже отдать приказ, чтобы кто-нибудь из ближайшего окружения сумел приподнять ему веки, эти настоящие вежды могущественного упыря, кумира многих поколений.

В столетний юбилей Отечественной войны 1812 года, снова уволенный в ряды запасных

(в первый раз — для участия в англобурской кампании), тогда еще подполковник Алексей Едрихин с новой фамилией — Вандам, создавал свой труд «Наше положение». Оценивая геополитическое состояние России, будущий командир корпуса в петроградской армии Юденича безжалостно анализировал неумолимое продвижение Наполеона на восток, которое случилось в начале позапрошлого века, круто изменив европейский политический ландшафт.

Но Вий, Вий... Поначалу эта метафора генштабиста, корреспондировавшего в суворинскую газету «Новое время», ведущее издание Российской империи, может показаться перебором. И лишь при чтении бородинских записок Василия Верещагина, сделанных художником при подготовке к циклу картин о наполеоновском вторжении и его бесславной кончине, все встало на свои места: «Самое возмутительное зрелище были внутренности рвов — несчастные раненые, попадавшие один на другого, купались в своей крови и страшно стонали, умоляя о смерти».

Со времен изобретения пороха не было в истории подобных сражений, как это произошло при Бородино, и великий французский полководец, сидя на барабане, мысленно мог упиваться потоками людской крови, чтобы им окончательно не овладела «старческая апатия», не превратила в развалину. Вот она, энергетическая подпитка, без которой изнемогают упыри, даже если они обрядились в приличный мундир!

Выходит, офицер Генерального штаба Алексей Едрихин (Вандам) знал, что говорил. От него сполна досталось и французам, и англичанам. А против «утонченного деспотизма» последних Вандам, недавний защитник буров, решительно восставал. Надо сказать, не он один.

Русская армия, подойдя в декабре 1812 года к своим западным границам, должна была ограничиться изгнанием врагов и «сохранить Наполеона для Англии». Так считал главнокомандующий Михаил Кутузов, надеясь перенацелить великого упыря на англичан, но мудрого фельдмаршала не послушали. Через сто лет по этому поводу особенно сокрушался генштабист Вандам: «К несчастью, окружавшая государя свита из англичанина Роберта Уилтона, шведа Армфельда, пруссаков Вольцогена и Винценгероде, эльзасца Амштедта, пьемонтца Мишо и корсиканца Поццо ди-Борго, не обращая внимания на разорение страны и усталость войск, напрягала все усилия к тому, чтобы перенести войну за границу для освобождения от ига Наполеона и Западной Европы. Старания иностранцев увенчались успехом, и 1 января русская армия переправилась за Неман».

У наших предков имелся выбор, но лучший вариант, тем не менее, отвергли. А ведь не было бы в таком случае ни вечных интриг туманного Альбиона, ни гибели русских солдат, ни восстания декабристов, которых, собственно, и взрастил этот заграничный вояж.

Но история не знает сослагательных наклонений.

Материалы полосы подготовил Николай ЮРЛОВ